Bulletin Nr. 183
März 2020

Бюллетень № 183
Март 2020

(B–ulletin)

Бюллетень

TOLSTOI.de
Bibliothek
Bildung
Beratung

Das Bulletin wird seit 1975 herausgegeben.
Es erscheint vierteljährlich.
Der Herausgeber ist:

Бюллетень выходит с 1975 г.
Его издает четыре раза в год:

Tolstoi Hilfs- und Kulturwerk e. V.
Thierschstraße 11
80538 München

Telefon Bibliothek (089) 29 97 75
Telefon Beratungsstelle (089) 22 62 41
Telefax (089) 228 93 12

www.tolstoi.de
tolstoi@tolstoi.de

Redaktion und Verantwortung für den Inhalt: Tatjana Erschow

Главный редактор:
Татьяна Ершова

ISSN 2197-6333

«Все зачтется: любовь, и преданность, и поддержка».
(К истории Русской библиотеки Толстовского фонда в Мюнхене).

Ольга Гарусова

Мюнхенская Русская библиотека создавалась 70 лет. За эти годы сложился обширный книжный фонд, особую ценность которого представляют прижизненные издания писателей первой и второй волн эмиграции, вышедшие в Берлине, Мюнхене, Регенсбурге, Париже, Харбине, Риге, Нью-Йорке... Подлинными раритетами являются книги с автографами известных писателей: В. Набокова, А. Блока, З. Гиппиус, малотиражные «дипийские» издания 1940-х гг. Однако не только уникальностью книжного собрания определяется феномен самого крупного ныне в Западной Европе русского книгохранилища.

В течение семи десятилетий Толстовская библиотека достойно выполняет свое культурно-просветительское предназначение. В жизни этого, старейшего в Германии, русского культурного центра были разные и сложные периоды, но его деятельность не прерывалась. Редкий случай в зарубежье. Закрывались или растворялись в других учреждениях богатые коллекции русских книг, а вместе с ними оборвалась нить культурной преемственности, но Толстовская библиотека жила...

В данной статье намечены лишь некоторые сюжеты истории Русской библиотеки Толстовского фонда, связанные с первым десятилетием ее деятельности и требующие дальнейшей «реставраторской» работы[1]. Основным источником информации послужил личный фонд инициатора и основателя библиотеки Н. А. Троицкого, хранящийся в Государственном Архиве Российской Федерации (г. Москва) и его книга «Ты, мое столетие…», изданная в 2006 г.

Вокруг Русской библиотеки.

В пока не написанной истории Русской библиотеки (далее – РБ), пожалуй, наименее прояснен сюжет ее возникновения. Современные СМИ пишут об этом туманно: «Организовали ее в Мюнхене на свои скромные средства русские беженцы, и начиналась она в 1949 г. с двух небольших комнат в полуподвальном помещении, с маленького комплекта книг и небольшой платы за пользование ими»[2].

В ретроспективе мюнхенская библиотека воспринимается «наследницей по прямой» первой в Европе «русской читальни», основанной в Париже в 1875 г. эмигрантом-народником Г. Лопахиным и писателем И.С. Тургеневым. «Судьбе было угодно, чтобы спустя несколько лет после разгрома Тургеневской библиотеки, именно в Германии возникла ее духовная преемница»[3]. Предложенная в межвоенную пору модель характерна для русских общественных библиотек в зарубежье, ставших «не только местом, где выдаются книги», но «в

Гарусова Ольга Андреевна, научный сотрудник Института культурного наследия (г. Кишинев, Молдова).

[1] К сожалению, местонахождение библиотечного архива неизвестно, не исключено, что он безвозвратно утрачен.

[2] Фишман В. Пристанище читательских душ // Еврейская газета, 2010, №1(89).

[3] Там же

то же время русским уголком»[4], где оказавшиеся на чужбине люди, обретали привычную культурную и языковую среду.

Как малоизученное явление, организация РБ трактуется по разному. Н. А. Троицкий рассматривал её через призму идеологической борьбы против сталинского режима, как «первое важное дело» «интеллектуалов военного исхода», к которым он относил членов Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР). «Это они создали русскую библиотеку в Мюнхене. Свободную, не подчиненную кому-либо, ставшую очагом русской культуры и прибежищем бывших подсоветских в оккупированной Германии начала 50-х»[5].

Современные российские исследователи отводят РБ второстепенную роль предтечи Института изучения истории и культуры СССР. «Начиналась же история института в 1948 г. с так называемой русской библиотеки – незначительной коллекции книг Бориса Яковлева. То были книги об СССР на английском, русском и немецком языках, собранные с помощью пожертвований отдельных лиц, издательств, университетов. Цель была одна – иметь книги и другие материалы по максимально возможному спектру жизни советского общества». Делается ошибочный вывод, будто впоследствии РБ «была преобразована в Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР»[6].

Встречается утверждение, что «предшественницей» Толстовской библиотеки являлась «первая общественная русская Библиотека им. Лесли Стивенса»[7].

Между тем, Русская библиотека в Мюнхене была основана и всегда существовала как самостоятельное культурно-просветительное учреждение. Менялись лишь ее наименования и адреса. Эти, как будто формальные изменения отражают определенные вехи в развитии библиотеки.

Время и место.

При всем типологическом сходстве РБ многое отличало её от межвоенных «соотечественниц», прежде всего, время и место. Созданная после Второй мировой войны, она неразрывно связана с судьбами второй волны русской (советской) эмиграции, гораздо менее изученной, нежели первая, пореволюционная. Вторую эмигрантскую волну составляли угнанные фашистами в трудовые лагеря остарбайтеры, ушедшие с отступающими немецкими войсками жители оккупированных территорий, военнопленные, рядовые участники власовской армии. К ней причисляют и старых русских эмигрантов, бежавших из Чехии, Польши, Югославии, Прибалтики, Румынии. Сталинское правительство считало их «предателями», «изменниками родины», заслуживающими самого сурового наказания. Большинство обычных советских людей предателями не были и себя таковыми не считали. «Нас судьба ударила наотмашь / Нас с тобою сбила с ног судьба» - выразил тогдашнее мироощущение беженцев, жертв «черного века» поэт Иван Елагин.

Оставшимся на Западе бывшим советским гражданам, так называемым «невозвращенцам», суждено было долгое забвение. «Биография второй эмиграции заслонила собой ее действительное лицо и ее творческую индивидуальность», – диагностировала редактор «Нового журнала» Марина Адамович трудности ее «идентификации в истории»[8].

---

[4] Шейнис-Чехова Л.В. Тургеневская библиотека // Новый журнал.1969. Кн. 94, с. 192.
[5] Троицкий Н.А. Ты, мое столетие… Москва. 2006, с. 304.
[6] Кодин Е.В. Гарвардский проект. Москва. 2003, с.51, 8.
[7] Кулен Е. Толстовский Фонд в послевоенном Мюнхене и его роль в оказании гуманитарной помощи русским ДиПи. 1947–1956 // http://newreviewinc.com/elena-kulen/
[8] Адамович М. О времени… и о себе // http://znamlit.ru/publication.php?id=1997

Военный исход начал привлекать внимание российских исследователей с конца прошлого века. По его различным аспектам изданы сборники архивных документов, материалы конференций, монографии, мемуары, научные статьи, защищаются диссертации. Публикации, посвященные литературе, издательскому делу, лагерному быту русских беженцев в послевоенной Германии, постепенно открывают пласт культуры как некую «terra incognita», оспаривая распространенное мнение о том, что вторая эмигрантская волна была сугубо политической. В этом отношении РБ является особо отмеченным топосом, изучение которого значительно расширяет культурное пространство второй эмиграции.

Изначально библиотека предназначалась для находившихся в американской оккупационной зоне Германии беженцев. Большинство избежавших репатриации в СССР и получивших статус перемещенных лиц (Ди-Пи - Displaced Persons) жили в лагерях, которые в основном располагались в Баварии и ее столице. Многие устроились на частных квартирах в Мюнхене, ставшим в послевоенной Европе «столицей невозвращенцев». Здесь находились представительства УНРРА, затем ИРО - международных организаций, оказывавших материальную помощь, правовое и политическое покровительство ДиПи. В Мюнхен перебирались все, кто хотел эмигрировать. Отсюда они разъезжались по всему свету, преимущественно в Америку. В сентябре 1947 г. открылось европейское отделение Толстовского фонда, сыгравшего огромную роль в спасении русских беженцев от репатриации с последующим переселением их в США. Его директором стала ближайшая помощница А.Л. Толстой – Т. А. Шауфус. Пройдут годы и пути РБ и Толстовского фонда знаменательно пересекутся.

В отличие от межвоенного Берлина с его насыщенной русской «топографией», в Мюнхене «до конца второй мировой войны в смысле деятельности русских было голое место»[9]. Русская колония в баварской столице складывается с окончанием войны. «Найдете там людей, живо интересующихся всем русским» - мотивировался переезд в Мюнхен в частном письме 1946 года[10]. Двумя годами позднее известный русский философ Федор Степун, преподававший в Мюнхенском университете на созданной специально для него кафедре истории русской культуры, писал: «На моем прошлогоднем курсе о Достоевском было как-никак около 400 человек. В семинаре около 30. Также очень хорошо посещаются лекции в больших центрах немецкой жизни. Интерес к России здесь, несмотря на отвращение от большевиков, слава Богу, не ослабевает»[11].

В дипийских лагерях, в Мюнхене и его пригородах силами беженцев устраивались церкви, гимназии, библиотеки, драматические студии и издательства. Широко был известен своей культурной и образовательной деятельностью Дом «Милосердный Самарянин», открывший русскую гимназию, в которой преподавали старые и новые эмигранты. Возглавлявший Дом о. Александр Киселев организовал мюнхенский отдел Русского студенческого христианского движения. «Работа Движения заключалась в организации интереснейших докладов на религиозные и культурно-просветительные темы в помещениях Дома. Доклады читали русские ученые, оказавшиеся в то время в Мюнхене»[12]. В мае 1946 г. на Архиерейском соборе в Мюнхене был восстановлен Синод Русской Православной Церкви заграницей во главе с митрополитом Анастасием (Грибановским).

---

[9] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.10015. Оп. 1. Д. 446. Л. 17.

[10] Встреча с эмиграцией. Из переписки Иванова-Разумника 1942-1946 годов. Москва-Париж. 2001, с. 301.

[11] Степун Федор. Письма. Москва. 2013, с. 433.

[12] Лопухина-Родзянко Т. Судьба семьи Лопухиных // Судьбы поколения 1920–1930-х гг. в эмиграции: Очерки и воспоминания. Москва. 2006, с. 170.

Молодежь могла получить высшее образование в университете для беженцев УНРРА, действовавшем с 1945 по 1947 гг. Многие студенты, прервавшие учебу из-за войны, поступали в немецкие университеты. Объединение российских студентов (ОРС) устраивало лекции и новогодние встречи, отмечался традиционный праздник русского студенчества - Татьянин день с торжественным балом. Весь русский Мюнхен участвовал в главных праздниках эмиграции - Дне русской культуры и Дне непримиримости.

Может показаться удивительным быстрое возникновение русской культурной жизни в чужом, разбитом союзными бомбардировками городе –«динамитом выпахана половина Мюнхена» (И. Елагин), в катастрофических бытовых условиях, в нищете и бездомности, с неустойчивым настоящим и смутным будущим. Спасала вера в то, что с окончанием войны самое страшное осталось позади. Спасала культура. Важным средством выживания стало восстановление прерванных связей с родной культурой, и в этом процессе главнейшим звеном стала книга.

Чем была книга в те годы раскрывает переписка Ф.Степуна, проникнутая печалью о сгоревшей при бомбардировке Дрездена богатой «незаменимой» личной библиотеке. Русская литература была необходима не только для научной и педагогической работы, она восполняла отсутствие привычной культурной и языковой среды, служила психологической поддержкой. «За последние годы войны, за годы полной отрезанности от нашей эмигрантской нации, - писал Степун - моим величайшим утешением была моя большая русская библиотека, все же около тысячи томов и 452 томиков. Каждый вечер можно было снять с полки или Тургенева и перечесть несколько страниц «Дыма», «Дворянского гнезда», «Поездки в Полесье» или лесковского «Очарованного странника» или Пушкина, Толстого, «Улицу св. Николая», с изображением Кривоколенного переулка на обложке, Тютчева, Анненкова, Блока, Белого. Теперь все это сгорело, и, временами, я чувствую себя деревом с подрубленными корнями»[13.]

В эмиграции книга означала не только любовь к чтению, но многозначный, эмоционально окрашенный символ. «Казалось, что для русских изгнанников мир газет и книг стал заменителем родины» - писал о первой волне Курт Шлегель. Эти слова с полным правом можно отнести и ко второй эмиграции. В воспоминаниях бывших дипийцев часто упоминается «страшный голод на книги». Ситуация на послевоенном книжном рынке была критической. Многие частные библиотеки погибли. Книги приобрели коммерческую ценность, купить их можно было лишь на черной бирже, пересылать запрещалось. Проблему пытались решать сами беженцы, устраивая в крупных дипийских лагерях – Шляйсхайме, Менхегофе, Регенсбурге библиотеки и издательства. В Мюнхене имелись небольшие библиотеки при русской гимназии, клубе ОРС. Но удовлетворить читательский спрос они не могли. Идея общественной библиотеки витала в воздухе «русского Мюнхена».

[13] Степун Федор. Указ. соч., с. 392."

Начало

Исманингерштрассе 75

Главная роль в создании РБ принадлежит Николаю Александровичу Троицкому (1903-2011), видному общественному деятелю второй эмиграции, в Германии проживавшему под псевдонимом «Борис Яковлев». По образованию инженер-строитель, он работал в Академии архитектуры в Москве, арестовывался НКВД и сидел в тюрьме, добровольцем ушел на фронт, попал в плен и затем - в концлагерь. В 1943 г. вступил в Русскую освободительную армию генерала А.А. Власова (РОА); в Дабендорфской школе пропагандистов под Берлином, являвшейся кадровым органом и учебным центром РОА, Троицкий, по его словам, «проводил антикоммунистическую пропагандистскую работу или разработку идеологических основ новой демократической России». После войны осел в Мюнхене, где два года работал в строительной фирме старого эмигранта, инженера-строителя Герасименко, участвуя в расчистке разрушенного бомбардировками города. В 1949 г. Троицкий возглавил руководящий совет СБОНР. С 1950 по 1955 гг. являлся директором созданного при его непосредственном участии Института по изучению истории и культуры СССР. Протестуя против политики реорганизации института его куратором, Американским комитетом по освобождению народов России, ушел с работы и переехал в Америку.

«Лидер по натуре», умевший, по отзывам его институтских коллег, «и развивать инициативу, и руководить серьезно и деловито», Н.А. Троицкий обладал некоторым опытом библиотечной работы: в Академии архитектуры СССР он занимался комплектованием книжного фонда для аспирантуры. Став директором института, в первую очередь занялся организацией библиотеки, превратившейся со временем в «гордость научных сил». В Америке он окончил библиотечный факультет Колумбийского университета и работал по специальности в разных учереждениях. Возможно, библиотечное дело было его настоящим призванием.

По словам Троицкого, мысль о библиотеке возникла зимой 1948/49 г. «Но как приступить к ее организации?… Где искать книги? И как их находить? Это была первая

головоломка при организации библиотеки». Организационный вопрос решился довольно быстро. Троицкий заручился поддержкой Международного комитета по спасению и оказанию помощи беженцам (Ай-Ар-Си). Благодаря этой общественной организации, было найдено помещение для библиотеки, «вилла на углу Рентген и Исманингштрассе. На первом этаже кипела какая-то эмигрантская жизнь, а полуподвал не был занят. Запущенный, грязный, полный нечистот, обломков \...\ в течение нескольких дней был от всего очищен… соорудили перегородки, сколотили полки для книг»[14]. Вилла, о которой говорит Троицкий, располагалась в районе Богенхаузнен, по адресу Рёнтгенштрассе 5\ Исманигштрассе 75. Не пострадавшая от военных действий, она «была конфискована после войны американским военным правительством в Мюнхене и передана на нужды общественных русских организаций»[15].

Первый, относящийся к РБ документ – «Обращение организаторов международной библиотеки в Мюнхене к перемещенным лицам» датирован 1948 г. «Дорогие друзья. - говорилось в нем от имени Ай-Ар-Си. - Десятки тысяч Ди-Пи все еще живут по разным городам Германии в ожидании выезда в другие страны. Но десятки тысяч Ди-Пи, по-видимому, принуждены будут, по ряду причин (старость, бедность, плохое здоровье главы семейства, кого-либо из членов семьи и т.д.) остаться в Европе. Положение их очень тяжелое. Желая как-то облегчить участь этих людей, Ай-Ар-Си не так давно организовало в Мюнхене интернациональную библиотеку.

Библиотека в настоящее время очень небольшая, занимает 3 комнаты, но в будущем она должна стать одним из культурных центров для эмигрантов, остающихся в Германии». Кроме обслуживания читателей, планировалась «организация докладов на различные темы, группы изучения иностранных языков, литературных собраний, издание литературных альманахов и журналов, примыкающих к библиотеке писателей и поэтов». Устроители просили поддержать «большое начинание» пожертвованиями в книжный фонд, отметив желательность книг на русском языке; помочь подпиской и оплатой какого-либо, по выбору, журнала или газеты «на любом языке»[16].

В следующем по времени документе – «Памятке» 1949 г., подписанной уже директором библиотеки Б. Яковлевым (Троицким) и адресованной проживавшим во Франции русским, – говорится об общественной русской библиотеке, аудитория которой включает всех «русских людей, потерявших за годы войны Родину или обжитые годами места эмиграции». Особо оговаривалось, что РБ «рассматривается ее организаторами не как коммерческое предприятие, а как культурный очаг»; отмечалась «решающая помощь» в ее организации общественных и литературных организаций Америки.

В виду бедственного положения эмигрантской интеллигенции после денежной реформы планировалась помощь ей в нахождении работы, т.е. «консультации, чтение лекций и составление статей, освещающих политику, быт и общественную жизнь Советского Союза». Обращаясь с просьбой о содействии «путем личных опросов, связей и разъяснения нужности и полезности этого дела»,[17] Троицкий преследовал, помимо практической помощи РБ, задачи «правильного освещения так называемого «русского вопроса». Стремлением рассказать миру правду о жизни и судьбе человека за железным занавесом, о трагедии ГУЛАГа, пронизана общественная деятельность многих невозвращенцев. Здесь показательна попытка установить на этой почве контакты с русской эмиграцией первой волны. Попытка, в первые послевоенные годы, обреченная на неудачу. Мосты взаимопонимания между старыми и новыми

[14] Троицкий. Указ. соч., с. 305.
[15] Кулен Е. Указ. соч.
[16] ГАРФ. Ф.10015. Оп. 1. Д. 927. Л. 1 – 1(об).
[17] Там же. Ф.10015. Оп. 1. Д. 932. Л. 2.

эмигрантами налаживались постепенно. Важную роль в этом процессе, как мы увидим далее, сыграет и РБ.

Статус библиотеки поначалу был противоречив. В выданном в феврале 1949 г. Ай-Ар-Си удостоверении за подписью Л. Фишера читаем: «Настоящим удостоверяю, что г-н Борис Яковлев является ответственным за Международную библиотеку, которую наша организация собирается открыть в Мюнхене по адресу Исманингштрассе, 75»[18]. А на помеченным январем 1949 г. официальном бланке значится «Russische Bibliothek in München». Возможно, название уточнилось после консультации с вице-адмиралом Лесли Стивенсом, возглавлявшим находившееся во Франкфурте-на-Майне ведомство, занимавшееся беженцами из СССР. По версии Троицкого, обращение к Стивенсу диктовалось целью «обезопасить Библиотеку от подозрения в нелояльности властям». «Изложив суть дела, - пишет он - я получил заверения в поддержке и правовой защите Библиотеки, теперь она приобрела официальный статус и стала именоваться Русской»[19].

Действия РБ изначально планировалось распространить на всю Германию, открыв филиалы в других городах по мере поступления литературы. Но формирование книжного фонда оказалось делом сложным. Средств на приобретение книг не было. Ай-Ар-Си выделяла 40 марок в месяц, которых хватало лишь на оплату помещения и канцелярские расходы. С декабря 1948 г. Троицкий ведет переписку с разными лицами о пожертвовании книг, выражая заранее благодарность, «как лично, так и от русских людей, которые в будущем могли бы пользоваться Вашими книгами». Первой откликнулась некая Лидия Соколова, проживавшая с начала войны в Париже и подарившая РБ оставленную в Берлине личную библиотеку, которая насчитывала предположительно от 10 до 30 тыс. изданий. Ай-Ар-Си заключила договор с подполковником Гофманом о розыске и перевозке книг в Мюнхен. Тщательное расследование оказалось безрезультатным. «Книги с большой вероятностью, могли быть уничтожены. – указывал в рапорте Гофман. - Все здания этого района сильно или совсем разрушены, или сожжены. Оба здания на Колоненштрассе частично выгорели. Если книги не были уничтожены огнем, то они, очевидно, или были украдены или были направлены на берлинскую черную биржу»[20]. Последней версии придерживались и оккупационные власти в Берлине, считавшие, что книги или были проданы на черной бирже, или вывезены. Как бы то ни было, надежды на единовременное пожертвование, которое составило бы весомый библиотечный «капитал» не оправдались.

В основание фонда РБ легло сто сорок восемь разного рода изданий, напечатанных в царской России, в СССР и в зарубежье. Составленный в 1948 г. список включал разрозненные произведения русских классиков (Пушкин, Некрасов, Тургенев, Короленко, Лермонтов, Куприн, Крылов, Толстой, Чехов, Салтыков-Щедрин, Достоевский, Гоголь, Лесков, Блок), эмигрантских авторов (Кизеветтер, Бердяев, Деникин, Мельгунов, Винниченко, Добужинский), советских писателей (М. Горький, Булгаков, Маршак, Бромлей, А.Н. Толстой), а также, без указания выходных данных, поэтические сборники А. Ахматовой, О. Мандельштама, Л. Гумилева. (Последние авторы, как мы предполагаем, изданы дипийцами). Западная литература была представлена именами О. де Бальзака, П. Мериме, Р. Киплинга. В перечне также - «Молитвослов» и История партии (ВКПБ), труды Ленина, Маркса, Энгельса, знаменитый дореволюционный сборник «Вехи», эмигрантский «Путь» и свежие номера советских журналов

[18] ГАРФ. Ф.10015. Оп. 1. Д. 932. Л. 6.
[19] Троицкий Н.А. Ты, мое столетие…, с. 312
[20] ГАРФ. Ф.10015. Оп. 1. Д. 931. Л.1.

«Огонек», «Молодежь мира», школьные учебники (русская литература, английский язык, новая история, география) и словари[21].

Точную дату открытия РБ для читателей пока трудно назвать. Скорее всего, это произошло во второй половине 1949 г. В течение нескольких лет библиотечный фонд пополнялся лишь за счет пожертвований. «Книги поступали из самых разных источников. Часто это были совершенно посторонние люди, сочувствовавшие начинанию. Вслед за книгами потянулись и читатели. \...\ появились две девушки-американки из Огайо и предложили обучать наших читателей английскому. Это было, как нельзя, кстати, имея в виду продолжавшийся разъезд эмигрантов из западных зон Германии по странам, согласившимся их принять. Юные американки не только организовали курсы языка, но и оказывали посильную помощь в работе Библиотеки»[22]. Основные поступления пришлись на время массового отъезда русских беженцев в другие страны. Вес багажа для покидавших Германию был ограничен; брали с собой только необходимые и ценные вещи, а книги и журналы раздавались.

С оттоком беженцев «русский Мюнхен» не исчез. Процесс расселения двигался медленно, многие дипийцы разрешения на выезд ждали годами. Десятки тысяч невозвращенцев остались в Западной Германии[23]. Кроме личных житейских обстоятельств, тому были социальные и психологические причины. Корреспонденты Троицкого признавались, что очень трудно расстаться со старой Европой, с городом искусства на Изаре, с которым сблизились и полюбили.

Для части творческой и научной интеллигенции появились новые возможности профессиональной самореализации. В ходе «холодной войны» русские и русский язык оказались востребованными; под эгидой Американского комитета освобождения народов России в Мюнхене работают различные эмигрантские учреждения, в том числе, Институт по изучению истории и культуры СССР, собравший лучшие научные силы невозвращенцев. В 1953 г. начинает вещание радио «Освобождение» (впоследствии – радио «Свобода»), где служат старые и новые эмигранты. В 1952 в ведение Американского комитета поступает и русская библиотека. Возможно, этому способствовал Лесли Стивенс, назначенный в том же году на пост его руководителя.

После Троицкого библиотекой заведовал В.Ф.Залесский, бывший преподаватель Астраханского Педагогического института[24]. О деятельности РБ первой половины 50-х гг. сведений почти нет. У Троицкого об этом времени сказано так: «Постепенно Русская библиотека настолько выросла и фондами, и профессионально (увы, не площадью), что круг читателей перестал ограничиваться русскими. \...\ Там проводили коллективные чтения, устраивали встречи, представления, отмечали праздники»[25]. Появились четыре библиотечных филиала в других городах, устраивались «детские елки». В 1955 г. с началом политической «оттепели» в СССР, Залесский перешел в Восточную Германию и затем вернулся в Астрахань. Его отъезд вызвал волну слухов и оказал «тяжелое впечатление на эмиграцию»[26]. Современники весьма скромно оценивали значение РБ в духовной жизни русской колонии в бытность Залесского. Не лишенный литераторного дарования, писал стихи и печатался, он, по-видимому, не обладал организаторскими способностями, необходимой в культурной сфере креативностью. В этом отношении выбор нового руководителя был безошибочным. С

[21] Там же. Д. 928. Л.2.
[22] Троицкий Н.А. Указ. соч., с. 311-312.
[23] В лагерях Западной Германии на 01.01. 1952 г. оставалось около 85 тысяч бывших советских граждан.
[24] Залесский Виктор Федорович 20.12.1909 – 9.10.1985. До войны преподавал в Астраханском Педагогическом институте, рядовой, попал в августе 1942 г. в плен.
[25] Троицкий Н.А. Ты, мое столетие…, с. 312
[26] ГАРФ. Ф.10015. Оп. 1. Д. 940. Л.1.

приходом В.Н.Крыловой РБ превращается в русский культурный центр, значение которого с течением времени выходит за пределы Германии.

«Читалка эта - дело хорошее и нужное».

Валентина Николаевна Крылова

О Валентине Николаевне Крыловой (урожденной Красовской), заведовавшей РБ с 1 мая 1955 г. по 1973 г. сохранилось немного сведений. Неизвестно ее происхождение, образование, жизнь в СССР. Сообщенные ею о себе скупые факты говорят о типичной биографии невозвращенцев. «До 1943 г. жила в Киеве, а затем эмигрировала в Германию. Оказалась в Дабендорфской школе пропагандистов вместе с мужем, К.А. Крыловым. С ноября 1945 г. проживала в Мюнхене, входила в СБОНР. С августа 1954 г. работала корректором в институте»[27]. Судя по послевоенному послужному списку, Валентина Николаевна профессионально была связана с редакционно-издательским делом.

В книге «Ты, мое столетие...» Крылова охарактеризована Троицким лишь в качестве «последней сбонровской заведующей» библиотекой. Меж тем их объединило многое другое: участие в подготовке первого «новоэмигрантского» сборника «Тринадцать бежавших», работа в Институте, сотрудничество в разного рода изданиях, в частности, в журнале «Литературный современник», а после отъезда Троицкого в Америку... Русская библиотека. Именно библиотечная работа служит главной темой эпистолярии, продолжившей дружеские доверительные отношения. Письма Валентины Николаевны наполнены заботами, тревогами, событиями РБ. Новая профессия воспринимается знаком судьбы. Оказалось, что это и есть ее подлинное призвание. «Своей теперешней работой – сознается она в одном из первых писем своему американскому адресату – я подменила все, мне даже кажется, что так, видимо, было и нужно, что весь мой путь вел меня именно к такой работе»[28].

Возможность личностной, творческой самореализации приводит к переоценке жизненных приоритетов. Крылова выходит из СБОНР, объясняя это тем, что политикой занималась вынужденно, «в силу сложившихся обстоятельств». К середине 50-х гг. многие сбонровцы отказались от участия в партии, либо полностью разочаровавшись в ней, либо продолжив антикоммунистическую деятельность на научном или литературном поприще. У Крыловой, быстро вошедшей в курс дела, появилась и глубоко личная мотивация –

[27] Служебная записка В. Н. Крыловой // https://labas.livejournal.com/1098597.html
[28] ГАРФ. Ф.10015. Оп. 1. Д. 446. Л.13.

убежденность в том, что библиотечная работа «при всех случаях полезна, /.../ не может быть отрицательной»[29].

Новая заведующая отлично понимала, что культурно-просветительное учреждение должно быть вне политики. Стремясь выстроить работу РБ соответственно этому основополагающему принципу, в мае 1955 г. она предложила руководству «План улучшения работы Русской библиотеки», судя по которому многие ее направления предстояло реанимировать. Проектировались «доклады, вечера, концерты, шахматы, женский кружок, спортивный кружок, кружок молодежи и т.д. – как в самом Мюнхене, так и в филиалах библиотеки, которые должны быть открыты в местах наибольшего скопления эмиграции».

Не ограничиваясь обслуживанием массовой читательской аудитории, Крылова стремилась учесть интересы специалистов, основываясь при этом на опыте библиотеки Института по изучению истории и культуры СССР. Предлагалось позаимствовать картотеку читателей институтской библиотеки, микрофильмировать имевшиеся в ней редкие книги; перевести одного-двух сотрудников «для укрепления кадров» РБ. Ряд предложений концептуально менял традиционный облик общественной библиотеки, приближая ее к исследовательскому типу. Используя международные связи Института с представителями эмиграции, предполагалось установить контакты с различными западными научными учреждениями; сформировать группу из «проверенных кадров научно-исследовательских работников, которые будут отвечать на запросы немецких учреждений, писателей, журналистов, дипломатов, правительства».

За рамки собственно библиотечных функций выходили и другие инициативы Крыловой, например, учреждение при РБ юридической консультации для эмигрантов; издание русской газеты, не связанной с партийной принадлежностью, «но, конечно же, на антикоммунистической основе». Словом, была предпринята попытка объединить эмиграцию вокруг РБ, которая в перспективе мыслилась центром культурно-общественной жизни мюнхенской русской колонии. С этой целью предлагалось «развить путем отбора уже проверенных кадров работу среди эмигрантов, стоящую вне партий и вне организаций, и построенную не на зыбких основах эмигрантских организаций, а на единоначальном руководстве всей работы»[30].

Для реализации задуманного требовались дополнительные средства, прежде всего, на приобретение помещения, а также на расширение штата и оплату сотрудников. Американский комитет крыловский проект по ряду пунктов поддержал. РБ увеличили субсидирование, был принят новый сотрудник, с сентября 1955 г. начал выходить под редакторством Крыловой «Библиотечный бюллетень: советская и зарубежная литература». В начале 1956 г. РБ переезжает на Лессингштрассе, в дом под номером 4, где ей отведено десять комнат и небольшой зал. Для посетителей она была открыта ежедневно с 13.30.

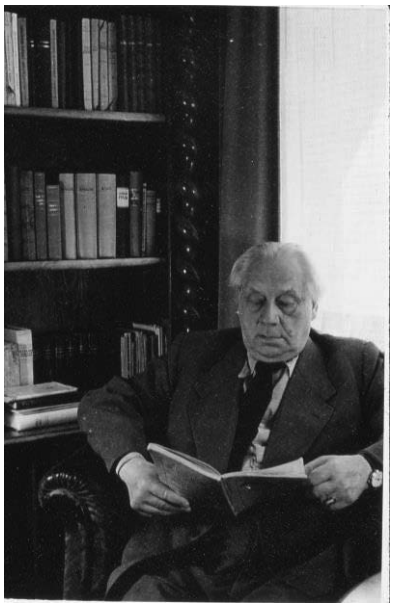
Переезд с окраины в центр города, в новое просторное помещение способствовал быстрому росту популярности РБ. О первой устроенной Крыловой 15 января 1956 г. детской ёлке «слухи дошли даже на периферию». («Наша рождественская ёлка была самой лучшей в этом году»). Значительно расширилось культурно-просветительное направление. Большим успехом пользовались вечера литературные, в том числе посвященные памяти великих русских писателей, и музыкальные; часто читались лекции и доклады, проходили диспуты. Особо торжественно отмечался День русской культуры, на который стремились завлечь именитых русских литераторов. Вокруг библиотеки возникла культурная среда. На резонансные события

[29] ГАРФ. Ф.10015. Оп. 1. Д. 446. Л.7.
[30] ГАРФ. Ф.10015. Оп. 1. Д. 939. Л.1-2.

могло собраться «человек 100 здешней духовной элиты», в числе которой назывались сотрудники радиостанции «Свобода» В.Вейдле, Л.Ржевский, Г.Газданов и др. Все мероприятия фиксировались, для чего Крыловой были заведены специальные альбомы, в которые вклеивались вырезки статей из газет и журналов. Можно лишь сожалеть о том, что этот важнейший источник информации о жизни РБ затерян.

Бескорыстная труженица, преданная всей душой делу («целый день верчусь в библиотеке, домой только ночевать приезжаю»), Валентина Николаевна оказалась прекрасным, талантливым руководителем. Не прошло и года с ее назначения директором, как РБ превратилась в книжный и культурный центр русской эмиграции, «имеющий значение не только в Мюнхене, но фактически во всей Западной зоне Германии». О динамике развития говорит статистика. В 1956 г. библиотечный фонд насчитывал 15 тыс. книг, в 1959 – 21 тыс., в 1966 (кроме журналов и газет) - около 30 тысяч книг. Быстро росло число филиалов в различных городах Германии: уже в 1956 г. их было 15, в 1957 г. - 30, а к середине 1960-х гг.- 41.

Особый сюжет в истории РБ составляет сотрудничество с Федором Степуном.



Фёдор Степун

Он был читателем с 1950 г., однако близкое участие в жизни библиотеки принимает с приходом Крыловой, с которой быстро возникли тесные деловые отношения. (Впоследствии Валентина Николаевна помогала вести его обширную корреспонденцию). Известный в Германии философ много содействовал упрочению престижа РБ. Благодаря общественному и научному авторитету, широким связям в эмигранской среде, оказывал ощутимую помощь, пропагандируя, по его словам, «действительно, как говорили в старину, «Русский культурный очаг». Он и сам читал лекции, и лично просил известных деятелей эмиграции выступить с докладами на библиотечных мероприятиях. Письма Степуна по этому поводу содержат интересные факты, как о РБ, так и о мюнхенской русской колонии.

«Читалка эта, честное слово, дело хорошее и нужное. – писал он в 1956 г. Б.К. Зайцеву в Париж. - Оплачивают все дело американцы, но в работу не вмешиваются. Но любят, правда, большие имена. А потому снова от имени «читалки» и американского комитета обращаюсь к Вам с вопросом: не приедете ли прочесть какой-нибудь рассказ или поделиться воспоминаниями о дореволюционной России. Ведь новая эмиграция никого не знает, но

относится к нам, старикам, по-моему, все же с интересом и с симпатией. Я уже раз пять читал на Днях русской культуры после второй войны и читал в нашей Библиотеке. Читал о Достоевском и Зандер. Вечера проходили с большим успехом»[31]. Придавая, по изложенным в письме мотивам очень важное значение выступлению известного русского писателя, Степун просил В. Вейдле «посодействовать тому, чтобы на вечере было побольше людей»[32]. Устроенные РБ День русской культуры и литературный вечер прошли с огромным успехом.

Степун не случайно настойчиво приглашал Зайцева, полагая что он, как никто из писателей-эмигрантов первого призыва, «сможет близко подойти к новой эмиграции». Отношения между первой и второй волнами складывались не просто. Сформировавшиеся в СССР были людьми совсем иной эпохи и страны, их «советскость» была непонятна, «малокультурность» раздражала. «Вышедших оттуда» отталкивал консерватизм не знавшей реалий жизни в СССР старой эмиграции, монархические убеждения «правой» ее части. Степун испытывавший живой интерес к советским беженцам, чувствовавший ответственность перед ними, стремился сблизить оба поколения, полагая, что для этой миссии наиболее подходит РБ. Об этой «миротворческой» грани деятельности библиотеки говорится в письме к Д.И. Чижевскому: «По целому ряду причин в Мюнхенской колонии создалось какое-то ненужное напряженно-враждебное отношение между украинцами и русскими. Библиотека, принципиально аполитичный Институт, которой я сочувствую и помогаю, старается, поскольку возможно, преодолеть темные стороны этого враждования. Было бы очень хорошо, если бы Вы, как украинец, приехали бы по приглашению Библиотеки и прочли в ней на русском языке доклад о Гоголе»[33].

В тесном эмигрантском пространстве идеологической вражды и неприятия библиотека казалась «маленьким островком, на котором идет настоящая жизнь». Здесь встречались и общались «старые» и «новые» эмигранты, представители разных национальностей. Здесь совпадали их интересы, происходило примирение, осознание общности судеб. Об особой роли РБ в жизни русской колонии Б. Зайцев писал в заметках, опубликованных по следу впечатлений о поездке в Мюнхен.

«В этом старинном городе, вновь возникшем из пепла, провели мы неделю, - в русском мире, столь непохожем на мир нашей молодости. Все другое, все-таки связь не порвалась. Огромный зал Дня Русской Культуры полон. Почти все, думаю, «оттуда», но, в конце концов, русская интеллигенция, только прошедшая через такое, что и сниться нам не могло. В первом ряду духовенство, на эстраде рядом с вечно живым (и блестящим) Степуном совсем юный человек, только что из Восточной Германии. Веял ветер из Венгрии – да и из России: конечно, здесь передовые позиции.

Но политика политикой, а культура культурой – кроме литературного отделения вторая часть театральная: местными силами Островский, очень мило.

В корне всего предприятия – Русская библиотека. Там пришлось читать два дня, там библиотеку и видел.

И позавидовал. С парижской точки зрения позавидовал. Наша Тургеневская рада была бы двум комнатам, да тех пока нет, а у В.Н. Крыловой, заведующей Мюнхенской библиотекой, десять их. Библиотека, собственно, вроде клуба – можно слушать лекции, играть в шахматы, заниматься фотографией. Все это дело недавнее, книг не так много, пятнадцать тысяч (в Тургеневской до увоза ее немцами, было сто), но и возрасты разные. Наша видела еще самого Тургенева\...\ Но вот что еще о Мюнхенской библиотеке: она не только для Мюнхена, у нее 28

[31] Степун Федор. Письма. С. 461.
[32] Там же. С. 262.
[33] Там же. С. 406.

филиалов – книги рассылаются во многие места Германии. Сидит русский человек в немецком городе или деревне. Ничего-то у него родного, все чужое. Бывает, что и поговорить не с кем.

Книга же не выдаст. Много оставили нам деды, отцы литературные, много написано настоящего, а то и великого. Читать русскому человеку по-русски есть что. Если не ошибаюсь, до четырех тысяч иногородних питаются из Мюнхена. До сих пор ни одна книга не зачитана, не пропала в пересылках.

Дай Бог здоровья труждающимся над делом этим и всем сочувствующим, извне помогающим. Все зачтется: любовь, и преданность, и поддержка»[34].

«Библиотека – это мой дом».

Популярность у русской колонии, признание известных представителей первой эмиграции, поддержка Американского комитета – все это, казалось, позволяло уверенно смотреть в будущее. Однако внутренняя жизнь библиотеки была неспокойной. Несмотря на принципиальную аполитичность, она находилась в центре внимания организаций, разновекторной идеологии. В атмосфере холодной войны любая научная и культурная деятельность получала политическую интерпретацию. Как эмигрантское учреждение, РБ вызывала пристальный интерес советских органов, в частности берлинского комитета «За возвращение на Родину», активизировавшего свою деятельность в середине 50-х гг. «Советская пропаганда в последнее время особенно настойчиво доказывает, что эмиграция обречена на жизнь, лишенную каких бы то ни было духовных интересов. Существование и блестящая деятельность библиотеки, как культурного центра, доступного всякому эмигранту, полностью опровергает утверждение советской пропаганды». – писал автор аналитической записки о работе советских спецслужб против Русской библиотеки, предупреждая о возможных способах компрометации библиотеки и ее директора в связи с «растущим успехом среди эмиграции»[35]. Это прицельное внимание очень тревожило Крылову, не понаслышке знакомую с «всевозможными изощрениями со стороны советской агентуры». Пришлось обратиться в полицию с просьбой о расследовании поступавших ей угрожающих телефонных звонков и писем. Особым рвением отличалась некая эмигрантская группа «Сокол», обвинявшая директора РБ в фальсификации советской действительности на страницах издаваемого ею «Библиографического бюллетеня», в использовании «единственного очага русской культуры для клеветы на русский народ, его культуру и успехи» вместо «благородной задачи – среди обездоленных скитальцев пропагандировать любовь и верность к своему Отечеству»[36]. Угрозы не были осуществлены, ограничились провокационными выпадами; не получили ожидаемого эффекта «попытки советской агентуры изобразить В.Н. Крылову как «продавшуюся американцам», а всю библиотеку как место, где американской разведкой вербуются «шпионы и диверсанты». В этом смысле библиотека выгодно отличается от некоторых учреждений, служащие которых своим поведением дают повод к возникновению компрометирующих слухов»[37].

Первые годы работы Валентины Николаевны в РБ были полны тревоги, опасений, сомнений и по иным причинам. Вечный страх невозвращенцев перед возможностью советской агрессии всколыхнули события 1956 г. в Венгрии, потрясшие всех и вызвавшие новый виток

[34] Зайцев Б.К. Мюнхен // http://az.lib.ru/z/zajcew_b_k/text_1957_munhen.shtml
[35] ГАРФ. Ф.10015. Оп. 1. Д. 940. Л.1-2.
[36] Там же. Д. 941. Л.1.
[37] Там же. Д. 928. Л.1.

эмиграции. Крылова могла получить въездную визу на жительство в Америку. Но она тянула, много думала, анализировала, почти трагически переживая момент, когда встал вопрос об отъезде навсегда. Тяжело было расставаться с Мюнхеном, но главное - с библиотекой, значимость которой в ее жизни с особенной силой стала осозноваться при реальной возможности эмиграции. «Живя в меблированной комнате, я никогда не чувствовала, что это мой дом \...\. А вот библиотека – это мой дом. Я здесь все сделала сама, во всем участвовала. Мне очень часто, когда кончается работа, домой ехать не хочется» - делилась она сомнениями с Троицким. «С другой стороны, я боюсь терять право на выезд: кто знает, что может произойти с учреждениями такого рода, как институт, радиостанция и библиотека при затяжном периоде существования»[38]. Валентина Николаевна так и не решилась на переезд в США, отклонив и вариант краткосрочной поездки.

Несмотря на хорошую репутацию РБ, высокую оценку Американским комитетом личности ее директора, оставалось проблемой «вашингтонское покровительство». Прецедент с реорганизацией Института по изучению истории и культуры СССР, поставившей академическое научно-исследовательское учреждение на службу политической конъюктуре, вызывал опасение, что подобное может быть предпринято в отношении библиотеки. «М.б. кому-то мешает это единственное русское в Мюнхене учреждение, тем более,что сейчас у меня уже 30 филиалов и значит, что в 30 местах библиотека имеет свои точки, т.е. есть какое-то русское влияние. Снять меня с работы довольно трудно. Работаю я хорошо и пользуюсь значительным авторитетом. А вот убрать потихонечку дело другое»[39]. Подозрения оказались не беспочвенными.

До определенного времени РБ существовала вполне независимо, пользовалась достаточной финансовой поддержкой. В 1957 г. Американский комитет субсидию уменьшил, пришлось прекратить издание бюллетеня, о чем Валентина Николаевна очень сожалела – «духовная отдушина». Неоднократно ставился вопрос о переименовании библиотеки. Директор РБ сопротивлялась единственным доступным для нее способом, пытаясь довести до сведущих лиц мнение, что «это может вызвать очень большое осложнение», подразумевая протесты русской эмиграции. Все же в 1958 г. библиотеке было присвоено имя адмирала Лесли Стивенса, при этом определение «русская» из названия исчезло. По поводу происшедшего, которое обросло в эмигрантской среде различными слухами, Крылова писала: «Были эти дни для меня очень трудными. Когда было это самое «присвоение имени», я в своем выступлении сказала, что библиотека была в свое время организована по инициативе группы эмигрантов и только в 1952 году ее перенял Американский комитет. И, конечно, никакого удовлетворения по этому поводу я не выражала, а очень деликатно сказала, что надеюсь на то, что и в дальнейшем библиотека пойдет теми же путями, которыми шла до сих пор. Но я отлично понимаю, что Американский комитет имеет полное право сделать то, что он сделал. И лучше «Библиотека имени Л. С. Стивенса», чем какая-нибудь межнациональная, многонациональная и т.д., что сейчас очень в моде»[40].

Переименование повлекло за собой усиление чиновно-административного контроля с соответственными формальными процедурами, долгим согласованием самых разных вопросов. «Бывают смешные, нелепые препятствия там, где, казалось бы, их не может действительно быть, – характеризовала новую ситуацию Крылова. – На нас, новеньких и

[38] ГАРФ. Ф.10015. Оп. 1. Д. 446. Л.6
[39] Там же. Л.22.
[40] Там же. Л. 29.

неопытных навалились совершенно, в своем смысле, полноценная бюрократическая машина старого бестолкового учреждения. Донимает меня, как водится, бухгалтерия»[41].

При всех сложных внутренних и внешних обстоятельствах библиотека с честью выполняла свое культурно-просветительное предназначение, неизменно вызывая удивление и восхищение у впервые ее посетивших. С течением времени сложился внушительный, хорошо укомплектованный по различным отраслям гуманитарных знаний книжный фонд. Крылова лично занималась подбором литературы, став в этом деле экспертом. Предметом особой гордости был прекрасный отдел искусства. Ценное собрание религиозно-философской литературы, по авторитетному мнению Степуна, помогало развитию религиозно-философской мысли эмиграции.

Важнейшим событием в жизни библиотеки стал переход в 1963 г. под эгиду «Толстовского фонда в Германии» - символический жест объединения созданных эмиграцией учреждений помощи русским вне России. На торжественном приеме, посвященном дарственной передаче, Ф. Степун, «характеризуя сущность эмиграции, отметил, что она, находясь на чужбине, все же имеет возможность создавать духовные ценности, обогащать свою культуру, не ассимилируясь в стране, давшей ей убежище»[42]. Яркой иллюстрацией этой мысли служила содержательная «островная» жизнь русской библиотеки.

С переездом на Тиерштрассе, 11, в здание, где располагался Толстовский фонд, последний раз меняется адрес РБ. К середине 1960-х мюнхенская русская библиотека считалась значительным культурным центром не только Западной Германии, но всего русского Зарубежья. Огромная роль в этом по праву была отведена В.Н. Крыловой, «авторитетному знатоку русского библиотечного дела»[43]. Нужно сказать, что ее ближайшим и верным помощником в течение 15 лет был А. Г. Каракатенко (Гаев), журналист, научный сотрудник Института. С его уходом из жизни в 1971 г. потребовалось немало усилий для продолжения нормальной деятельности библиотеки.

О преждевременном, вынужденном выходе Крыловой на пенсию эмиграция сожалела, считая это решение несправедливым, и «не на пользу делу». Высказывались соображения о том, что библиотека «последние дни доживает»[44]. Мрачный прогноз, по счастью, не сбылся. Жизнь РБ не оборвалась и даже беглый взгляд отмечает непрерывность ее внутреннего движения. Каждый из последующих периодов, отвечая вызовам времени, следовал сложившимся культурным и просветительным традициям, был по-своему интересен и содержателен.

В 70-80-е годы на смену невозвращенцам пришли их «дети». В январе 1974 г. директором РБ стал Георгий Кобро, начавший работать при Крыловой. Историк по образованию, окончивший Мюнхенский университет, он программно стремился приобщить к русской культуре выросшее в Германии поколение, «приучить молодежь к мысли, что Русская библиотека – это не только Дом их родителей, но и их Дом»[45]. Значительно расширилось справочно-библиографическое направление работы РБ. В связи с ростом исследовательского интереса к русской культуре, сюда все чаще обращались за справками немецкие, английские, французские ученые. Компетентно удовлетворить спрос помогало владение молодыми сотрудниками иностранными языками.

---

[41] Там же. Д. 446. Л. 29.
[42] Трижды дарственная (газет. вырезка, б/д) // ГАРФ. Ф.10015. Оп. 1. Д. 944. Л.1.
[43] Хроника зарубежной жизни // Зарубежье. 1966. Март, с. 15.
[44] ГАРФ. Ф.10015. Оп. 1. Д. 551. Л.12.
[45] Там же. Д. 429. Л. 1.

Из поколения «детей» второй эмиграции нынешний директор, Татьяна Константиновна Ершова, пришедшая в РБ в 1986 г., после окончания факультета славистики Мюнхенского университета. Благодаря ее бескорыстному труду, явственно обозначилась особенная роль РБ в сбережении культурного наследия русской эмиграции в Германии. Думается, что этому способствует острое чувство причастности к судьбе невозвращенцев, осознание жизненно необходимой в культурной сфере духовной и исторической преемственности. Усилиями Т. К. Ершовой сохранен архив Толстовского фонда, являющийся бесценным источником информации о послевоенной эмиграции. Множество досье дипийцев, за каждым – целая жизнь, мини-история трагической эпохи.

Традиционные направления РБ актуализируются, обретая порой сложный временной контекст. Так, различные формы межкультурного немецко-русского диалога отсылают к знаменитому «русскому европейцу» Ф. Степуну, с именем которого сопряжено проникновение русской культуры в Германию.

В последние десятилетия особенно полно проявлена исследовательская функция РБ, о которой мечтали и по разному проектировали ее основатели. Хранилище русской книги, ядро и наиболее ценную часть которого составляет эмигрантская литература, несомненно важно для славистов, литературоведов, культурологов, историков российской эмиграции. Специализация на эмигрантской литературе XX века определяет не только специфику, но и перспективу развития РБ как библиотеки исследовательского типа. Она представляет исследовательский интерес и в различных исторических контекстах социально-общественной и культурной жизни эмигрантов в Германии, библиотечного дела в Русском зарубежье, истории послевоенного Мюнхена...

Волею судьбы ставшая одним из главных культурных достижений второй волны русской эмиграции, Толстовская библиотека сегодня одно из немногих живых «мест памяти» исторического «русского Мюнхена», важнейшая составляющая его историко-культурного наследия.

Примечания.

[x] Название книги Троицкого знаково перекликается с названием поэтического сборника «первого поэта второй эмиграции» Ивана Елагина «Ты, мое столетие!», вышедшего в 1948 г. в Мюнхене.

[xx] Тургеневская библиотека во время Второй мировой войны, вывезенная в 1940 г. в Германию и погибшая при бомбардировке, вновь была восстановлена в 1959 г. группой русских эмигрантов в Париже и многими жертвователями книг; ее фонд насчитывает около 40 тыс. книг и журналов. Считалось, что библиотечный фонд полностью утрачен. Однако его следы со временем обнаружились в разных местах. Так, в Национальной библиотеке Беларуси в Минске из части книг Тургеневской библиотеки составлена целая коллекция.

[xxx]Разноречивость суждений можно объяснить не только отсутствием документированной литературы, но и пробелами и неточностями книги Н. Троицкого. События и факты разных лет автором столь плотно спрессованы, что трудно различить, о русской общественной или институтской библиотеках идет речь. К воспоминаниям Н. Троицкого как документальному источнику следует относиться критически. Автор ошибается в датах, его суждения порой противоречивы, однако это не умаляет значимости книги «Ты, мое столетие...», составленной из текстов разных представителей второй эмиграции.

Век Маргариты

Человек-эпоха – так называют Маргариту Габриэль те, кому посчастливилось с ней общаться. „Эпоха" в данном случае не фигура речи: 102 года (а именно столько прожила наша героиня) - это время, за которое можно очень многое узнать, понять и сделать.

Есть такая категория людей, которым просто необходимо помогать другим. При этом сами они не готовы принимать помощь, даже если в самом деле в ней нуждаются. Если такие люди оказываются в нужное время в нужном месте, как это получилось с Маргаритой Габриэль, то помощь людям становится образом жизни, а жизнь – чередой удивительных событий и встреч. Еще в молодости Маргарита связала свою судьбу с Толстовским фондом, который с 1939 по 1994 год помог 110 тысячам беженцев со всего мира найти пристанище в других странах. Наверняка, если бы не она, то людей, получивших шанс обрести новую родину и начать все с начала, было бы меньше. Но обо всем по порядку.

Маргарита-Ольга Габриэль (урожденная Бланкен, 1918 - 2020) родилась в маленьком эстонском городке Эльва близ Тарту в балтийско-русской семье. Отец Маргариты, Освальд Юлий Бланкен, вероятно, имел датские корни, но при получении российского паспорта был зарегистрирован как немец, что позволило семье в феврале 1941 года уехать из Эстонии в Германию. Мать, Мария Петровна Зимина, была русской, родом из Санкт-Петербурга.

К моменту репатриации в Германию Маргарита знала 4 языка – русский, эстонский, английский и немецкий. После окончания гимназии девушка получила специальность бухгалтера. Благодаря этому, уже вскоре после переезда, удалось получить место в одной из гамбургских, а затем берлинских фирм.

Пока юная Маргарита обустраивалась в Германии, далеко за океаном миссис Мэри Стиллман Харкнес, вдова известного филантропа Эдварда Стиллмана, пожертвовала основательницам Фонда (целью которого была помощь советским гражданам, оказавшимся за рубежом), Александре Львовне Толстой и Татьяне Алексеевне Шауфус, имение в городке Вэлли Коттедж (Valley Cottage, New York), неподалеку от Нью-Йорка. Так в 1941 году у Толстовского фонда, на чьё благо еще предстояло поработать нашей героине, появился дом и знаменитая ферма, через которую пройдут тысячи перемещенных лиц, волею судеб и силами Толстой и Шауфус оказавшихся на американской земле.

Случайная помощница

После окончания Второй мировой войны Маргарита служила переводчиком в американской полиции в Берлине. Первое знакомство с деятельностью Толстовского фонда произошло случайно. По воспоминаниям Маргариты, однажды ее друг Мишель Щербинин, помогавший оставшимся в немецкой столице русским уехать на Запад, попросил ее помочь оформить документы для 120 человек, которые должны были отправиться в Аргентину. Чтобы организовать всю эту операцию, из Мюнхена прилетела Татьяна Шауфус. Ей-то и нужен был человек, который мог составить списки отъезжающих на русском и английском языках. Маргарита работала всю ночь, и Шауфус так осталась довольна ее работой, что спустя два года снова нашла девушку и предложила ей место и кров в Мюнхене, где в 1947 году был организован европейский филиал Фонда.

Время было тяжелое. Напряжение между бывшими союзниками нарастало, и оставшиеся в американской оккупационной зоне выходцы из СССР срочно нуждались в помощи. Людям настолько уже была нужна хоть какая-то определенность, что некоторые даже выбирали возвращение на Родину, лишь бы перестать скитаться по лагерям для перемещенных лиц. Чтобы помочь людям начать новую жизнь в других странах, нужно было проделать колоссальную работу: составлять списки, оформлять документы, вести бухгалтерию и все это на нескольких языках. Маргарита справлялась с поставленными задачами идеально.

«Так как я хорошо знала Берлин, Шауфус раз в несколько месяцев посылала меня туда на пару недель разыскивать русских старушек, которые вышли замуж за немцев. Им уже ничего не грозило, но Татьяна хотела определить их в старческий дом, и для этого нужны были их согласие и документы. Сначала моя работа была временная, но потом она меня не отпустила. В Америку я поехала, так как были квоты на эстонцев и их было очень мало, но устроиться в Америке было проще, кроме того, я уже была как бы своей в Толстовском фонде», - вспоминала Маргарита в статье, вышедшей в 2015 году в журнале «Русское слово».

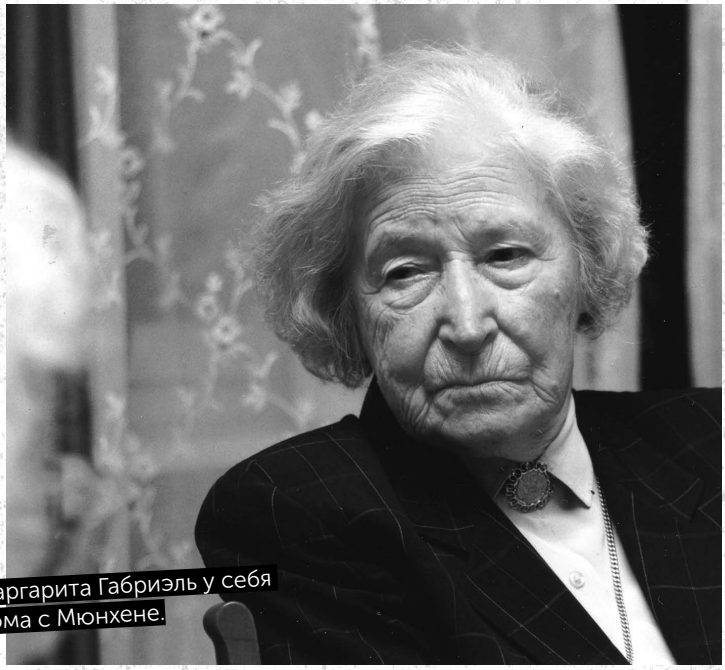
Маргарита Габриэль и Татьяна Шауфус. Работа работой, но о красоте женщины не забывали – Шауфус в бигудях тому пример, 1954 - 1955 год.

Margaritas Epoche

Юлия Смирнова

Yulia Smirnova

Eine ganze Epoche als Person, so wird Margarita Gabriel von jenen beschrieben, die das Glück hatten, sie kennenzulernen. Dabei ist der Begriff „Epoche" in diesem Fall keineswegs eine Redewendung: Stolze 102 Jahre hat unsere Heldin gelebt, eine Zeit, in der man viel lernen, verstehen und tun kann.



Маргарита Габриэль у себя дома с Мюнхене.

Es gibt eine Kategorie von Menschen, die nicht anders kann als Menschen zu helfen. Diese Menschen sind dabei meistens selbst nicht bereit, Hilfe anzunehmen, selbst wenn sie die Hilfe wirklich benötigen. Wenn sich solche Menschen zur richtigen Zeit am richtigen Ort befinden, wie es bei Margarita Gabriel der Fall war, wird es zu einer Lebenseinstellung, Menschen zu helfen. In ihrem Leben spielen sich dann ständig erstaunliche Treffen und Ereignisse ab. Schon in ihrer Jugend verband Margarita ihr Schicksal mit der Tolstoy Foundation, die von 1939 bis 1994 über 100.000 Menschen geholfen hat, in anderen Ländern Zuflucht zu finden. Wenn es sie nicht gegeben hätte, hätten viel weniger Menschen die Chance gehabt, eine neue Heimat zu finden und von vorne anzufangen. Aber ich möchte Euch die Geschichte in der richtigen Reihenfolge erzählen.

Margarita-Olga Gabriel (geb. Blanken, 1918-2020) wurde in der estnischen Kleinstadt Elva bei Tartu in eine baltisch-russische Familie geboren. Margaritas Vater, Oswald Julius Blanken, hatte wahrscheinlich dänische Wurzeln, aber als er einen russischen Pass erhielt, wurde er als Deutscher registriert, was seiner Familie ermöglichte, Estland im Februar 1941 zu verlassen und nach Deutschland auszuwandern. Ihre Mutter Maria Petrovna Zimina war Russin und stammte aus St. Petersburg.

Zum Zeitpunkt ihrer Auswanderung nach Deutschland sprach Margarita vier Sprachen: Russisch, Estnisch, Englisch und Deutsch. Nach dem Abitur erwarb sie Qualifikationen in der Buchhaltung. Sie ermöglichten es ihr, Anstellungen zunächst in Hamburg und anschließend in Berlin zu finden.

Während sich die junge Margarita in Deutschland niederließ, schenkte auf der anderen Seite der Welt Mary Stillman Harkness, die Witwe des berühmten Philanthropen Edward Stillman, dem Gründer der Tolstoy Foundation, deren Zweck es war, sowjetischen Bürgern zu helfen, die sich im Ausland befanden, Alexandra Lvovna Tolstaya und Tatiana Alekseevna Schaufuss ein Anwesen in Valley Cottage, in der Nähe von New York. So verfügte die Tolstoy Foundation 1941 über ein Haus und eine berühmte Farm, durch die tausende von Vertriebenen gehen sollten, die das Schicksal und die Kräfte der Tolstaya und Schaufuss in die USA brachten.

ZUFÄLLIGE HELFERIN

Nach dem Ende des Zweiten Weltkriegs arbeitet Margarita als Dolmetscherin für die amerikanische Polizei in Berlin. Die erste Bekanntschaft mit der Tolstoy Foundation geschah zufällig. Margaritas Erinnerung zufolge bat sie ihr Freund Michael Scherbinin, Dokumente für 120 Personen zu besorgen, die nach Argentinien auswandern sollten. Um das zu bewerkstelligen, flog Tatiana Schaufuss aus München ein. Sie brauchte jemanden, die Listen der Abreisenden auf Russisch und Englisch erstellen konnte. Margarita arbeitete die ganze Nacht und Schaufuss war so zufrieden mit ihrer Arbeit, dass sie sich nach zwei Jahren an Margarita erinnerte und ihr einen Arbeitsplatz und eine Unterkunft in München anbot, wo 1947 die europäische Zweigstelle der Tolstoy Foundation gegründet wurde.

Маргарита (вторая слева) и ее муж Габриэль (Гаврилов) с сотрудниками немецкого отделения Толстовского Фонда, 1959 год.

Маргарита Габриэль (вторая слева) и сотрудники Фонда. Справа от Габриэль директор немецкого отделения Фонда, Граф Штенбок-Фермор, 1992 год.

ЭСТОНСКАЯ АККУРАТНОСТЬ И ПРЕДАННОСТЬ РУССКОМУ ДЕЛУ

Маргарита с сыном Мишей поселилась на ферме в Валлей Коттедж и стала бухгалтером Фонда. Александра Львовна Толстая в своих воспоминаниях дала такой портрет Маргариты: «***Одной из первых, ценнейших сотрудниц Толстовского фонда, проработавшей у нас 16 лет, была Маргарита Бланкен — правая рука Татьяны Алексеевны по организации заграничной работы. Небольшого роста, крепкая, энергичная, с решительным взглядом серых глаз, она совмещала в себе эстонскую аккуратность, четкость в работе и преданность русскому делу. Вместе с Татьяной Алексеевной они не считали часов, работая за счет отдыха и нормального восьмичасового сна…***». На ферме Маргарита, как и Александра Толстая, жили, а офис Фонда находился в Нью-Йорке, куда приходилось добираться по полтора часа с двумя пересадками. Бухгалтерия была главной заботой, но, как вспоминала Маргарита, люди обращались к ней также со своими заботами, проблемами, и это тоже занимало много времени. Невозможно представить, сколько сил нужно было потратить на то, чтобы все разрешить. И это без интернета, компьютеров и всех современных возможностей, несмотря на которые мы и сейчас стонем, когда приходится заполнить пару страниц какого-нибудь формуляра.

Тяжелая работа, конечно, сказывалась и на отношениях. Коллеги могли страшно ругаться, обижаться, но все равно продолжали друг друга любить и ценить. Сама Маргарита рассказывала, как однажды Александра Львовна, которая любила проводить время на природе, попросила свою соратницу распутать рыболовные снасти. Маргарита же, будучи блестящим бухгалтером, была совершенно беспомощна, когда дело доходило до того, чтобы что-то сделать руками. Когда Толстая увидела, что Маргарита потерпела фиаско с удочками, то сказала, шутя: ***„Маргариточка, вы же жалкая бездарность…“***.

Спустя 3 года после переезда в США, Маргарита вышла замуж за русского эмигранта по фамилии Габриэль. Его настоящая фамилия была Гаврилов, но, уехав из России, он стал Габриэлем. Эту же фамилию взяла Маргарита. Молодожены поселились в солнечной Калифорнии, и это очень расстроило Татьяну Шауфус. Когда спустя 9 лет муж Маргариты скончался, Татьяна Алексеевна уговорила ценную сотрудницу вернуться в Нью-Йорк, где та проработала до 1982 года.

РУССКАЯ СЕРДЦЕМ

Закончился американский период, но не закончилась работа в Фонде. По зову европейского отделения Толстовского фонда, Маргарита Габриэль вернулась в Германию и поселилась на востоке баварской столицы, в районе Богенхаузен. Уже взрослый сын остался с семьей в Америке, и Маргарита отдала всю свою энергию работе. Приходила в бюро не рано, зато засиживалась допоздна. В свободное же время она …нет, не занималась разведением орхидей или вышивкой, а снова помогала людям. В рамках работы Фонда она организовала свой собственный благотворительный проект, ориентированный, прежде всего, на Россию. Будучи на половину русской по крови, Маргарита никогда не жила в России, лишь бывала там, в основном навещая близкую подругу в Санкт-Петербурге. «Она была эстонкой, немкой, американкой, но в ее сердце была Россия, которую она очень любила», – так отзывается о Маргарите директор русской библиотеки Толстовского фонда Татьяна Ершова. Но этого было достаточно, чтобы помогать больным детям, старикам, оплачивать строительство дороги к монастырю и заниматься сотнями других судеб и проблем, которые сама Маргарита называла «случаями».

В 2005 году Маргарита Габриэль вышла на пенсию, но, как и многие сотрудники Фонда, лишь формально. Она по-прежнему занималась своим российским проектом, часто заходила в офис и (особенно охотно зимними вечерами) иной раз пропускала с коллегами по рюмочке русской водки. Даже будучи в годах, Маргарита оставалась очень деятельной, много ездила – в Эстонию, Америку, Россию. Навещала друзей, искала деньги, чтобы тут же отдать их другим, и, судя по свидетельствам очевидцев, у нее это неплохо получалось. Сама же при этом была готова довольствоваться малым и до тех пор, пока могла о себе позаботиться, отвергала всякую помощь. Много осталось таких людей?..

Es war eine schwere Zeit. Die Spannungen zwischen den ehemaligen Verbündeten nahmen zu und die Einwanderer aus der Sowjetunion, die in der amerikanischen Besatzungszone blieben, brauchten dringend Hilfe. Die Menschen brauchten ein Mindestmaß an Gewissheit, sodass einige sogar beschlossen, in ihre Heimat zurückzukehren, nur um nicht mehr in den Vertriebenenlagern verharren zu müssen. Um den Menschen zu helfen, ein neues Leben in anderen Ländern anzufangen, musste eine enorme Menge an Arbeit geleistet werden: Listen sollten geschrieben, Dokumente erstellt, Aufzeichnungen geführt werden – in mehreren Sprachen. Margarita hat die zugewiesenen Aufgaben perfekt erledigt.

„Da ich Berlin gut kannte, schickte mich Schaufuss alle paar Monate für einige Wochen hin, um nach alten russischen Frauen zu suchen, die mit Deutschen verheiratet waren. Sie waren nicht mehr in Gefahr, aber Tatiana wollte sie in ein Altersheim bringen. Dafür brauchte sie ihre Zustimmung und Dokumente. Zuerst war mein Job nur vorübergehend, aber dann ließ sie mich nicht mehr gehen. Ich bin nach Amerika gereist, weil es Quoten für Esten gab. Obwohl diese sehr klein waren, war es einfach, einen Job in den USA zu finden. Zudem habe ich mich bereits sehr wohl in der Tolstoy Foundation gefühlt", erzählte Margarita sich an einen Artikel erinnernd, der 2015 in der Zeitschrift „Das Russische Wort" veröffentlicht wurde.

ESTNISCHE GENAUIGKEIT UND ENGAGEMENT FÜR DIE RUSSISCHEN ANLIEGEN

Margarita und ihr Sohn Misha ließen sich auf einer Farm in Valley Cottage nieder und arbeiteten in der Buchhaltung der Foundation. Alexandra Lvovna Tolstaya schrieb in ihren Memoiren über Margarita: „Eine der ersten und wertvollsten Mitarbeiterinnen der Tolstoy Foundation, die 16 Jahre mit uns zusammengearbeitet hat, war Margarita Blanken – Tatiana Alekseevnas rechte Hand bei der Organisation und der Arbeit im Ausland. Klein, stark, energisch, mit einem entschlossenen Blick grauer Augen, kombinierte sie die estnische Präzision in der Arbeit und das Engagement für die russischen Anliegen. Tatiana Alekseevna und sie achteten nicht auf die Stunden, sondern arbeiteten auf Kosten eines normalen achtstündigen Schlafs …"

Margarita lebte wie Alexandra Tolstaya auf der Farm. Das Büro der Foundation befand sich in New York, das anderthalb Stunden Fahrtzeit und zwei Mal Umsteigen erforderte. Das Rechnungswesen war zwar ihr Hauptanliegen, aber Margarita berichtete, dass sich die Menschen auch mit ihren Sorgen und Problemen an sie wandten, was ebenfalls viel Zeit in Anspruch nahm. Die Vorstellung, wie viel Aufwand nötig war, um alle Probleme zu lösen, ist unmöglich. Dabei gelang alles ohne Internet, Computer und weitere moderne Hilfsmittel, wohingegen wir uns schon beschweren, wenn wir ein paar Seiten eines Formulars ausfüllen müssen.

Die harte Arbeit wirkte sich natürlich auf die Arbeitsatmosphäre aus. Die Kollegen konnten furchtbar fluchen und sich beleidigen, sich jedoch weiterhin mögen und schätzen. Margarita erzählte einmal, wie Alexandra Lvovna, die gerne Zeit in der Natur verbrachte, sie bat, das Angelgerät zu entwirren. Margarita, eine brillante Buchhalterin, war völlig hilflos, wenn es darum ging, etwas mit ihren Händen zu tun. Als Tolstaya sah, dass Margarita ein Fiasko mit den Angelruten erlitten hatte, sagte sie scherzhaft: „Margarita, Du bist erbärmliches Mittelmaß."

Nach drei Jahren in den USA heiratete Margarita einen russischen Emigranten namens Gabriel. Sein richtiger Name war Gavrilov, aber nachdem er Russland verlassen hatte, hieß er Gabriel. Den Nachnamen nahm Margarita an. Das Brautpaar ließ sich im sonnigen Kalifornien nieder, was Tatiana Schaufuss sehr verärgerte. Als Margaritas Ehemann nach neun Jahren starb, überredete Tatiana Alekseevna die wertvolle Mitarbeiterin, nach New York zurückzukehren, wo sie bis 1982 arbeitete.

RUSSISCHES HERZ

Die Zeit in Amerika war zwar vorbei, aber noch lange nicht die Arbeit der Foundation. Nach einem Aufruf der europäischen Zweigstelle der Tolstoy Foundation kehrte Margarita nach Deutschland zurück und ließ sich im Osten der bayerischen Landeshauptstadt, in Bogenhausen, nieder. Allein der erwachsene Sohn blieb bei seiner Familie in Amerika. Margarita widmete weiterhin ihre ganze Energie der Arbeit. Sie kam früh ins Büro und blieb immer lange. In ihrer Freizeit hat sie keine Orchideen angebaut oder das Sticken erlernt, sondern wieder Menschen geholfen. Im Rahmen der Arbeit der Foundation organisierte sie ihr eigenes Wohltätigkeitsprojekt, das sich hauptsächlich auf Russland konzentrierte. Margarita war zwar eine halbe Russin, lebte aber nie in Russland. Sie ging hauptsächlich nach Russland, um eine enge Freundin in St. Petersburg zu besuchen. „Sie war Estin, Deutsche, Amerikanerin, aber in ihrem Herzen gab es auch Russland, das sie sehr liebte", sagt Tatiana Ershova, Direktorin der russischen Bibliothek der Tolstoy Foundation. Das reichte ihr, um kranken Kindern und alten Menschen zu helfen, den Bau einer Straße zum Kloster zu bezahlen und hunderte von anderen Problemen zu lösen, die Margarita selbst „Fälle" nannte.

2005 ging Margarita in den Ruhestand, aber wie viele Mitarbeiter der Foundation rein formell. Sie war immer noch mit ihrem russischen Projekt beschäftigt, ging oft ins Büro und trank, besonders gerne an Winterabenden, manchmal mit ihren Kollegen russischen Wodka. Auch im sehr hohen Alter blieb Margarita sehr aktiv und reiste viel, besonders nach Estland, Amerika und Russland. Sie besuchte Freunde, sammelte Geld, um es sofort anderen zu geben, und nach den Aussagen von Augenzeugen machte sie das ausgezeichnet. Gleichzeitig war sie mit wenig zufrieden und lehnte jede Hilfe ab, solange sie sich um sich selbst kümmern konnte. Gibt es viele solche Menschen?

Александры Львовны Толстой с дарственной Маргарите.

TOLSTOI.de

Bibliothek
Bildung
Beratung

Tolstoi Hilfs- und Kulturwerk e. V.
Thierschstraße 11
80538 München

Telefon Bibliothek (089) 29 97 75
Telefon Beratungsstelle (089) 22 62 41
Telefax (089) 228 93 12

www.tolstoi.de
tolstoi@tolstoi.de

Die Tolstoi-Bibliothek ist auf Spenden angewiesen. Bitte unterstützen Sie uns durch eine steuerlich abzugsfähige Spende auf unser Konto:

Spendenkonto: Банковские данные:

Nr.: 7824302
BLZ: 700 205 00
IBAN: DE72 7002 0500 0007 8243 02
BIC: BFSWDE33MUE
Bank für Sozialwirtschaft

Gefördert durch:

Die Beauftragte der Bundesregierung für Kultur und Medien

Landeshauptstadt München **Kulturreferat**

Landeshauptstadt München **Sozialreferat**

Bayerisches Staatsministerium für Wissenschaft und Kunst

Tolstoi Hilfs- und Kulturwerk e. V.
Thierschstraße 11
80538 München

Telefon Bibliothek (089) 29 97 75
Telefon Beratungsstelle (089) 22 62 41
Telefax (089) 228 93 12

www.tolstoi.de
tolstoi@tolstoi.de

Design: LIQUID | Agentur für Gestaltung | www.Liquid.ag